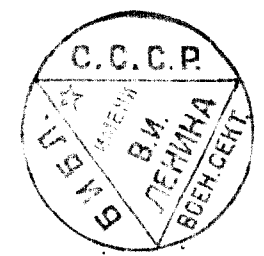

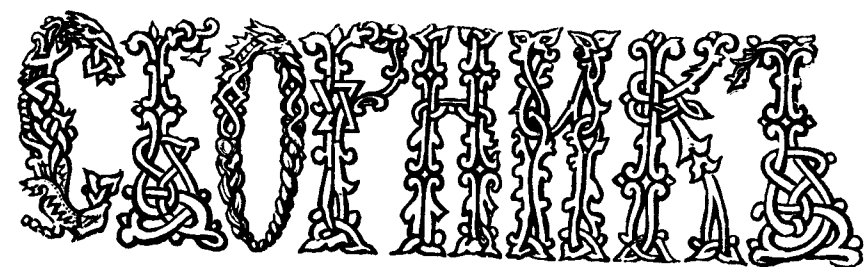
A
U $\frac{332}{2}$

ГОРНИ

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

ТОМЪ ДВАДЦАТА ДЕСЯТИИ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1881

П 2283-58

Печатано по распоряженію Совѣта Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, подъ наблюдениемъ Предсѣдателя Общества, Сенатора. А. А. Половцова.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

Въ составъ втораго тома изслѣдованія моего: «Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени» вошли послѣднія четырнадцать главъ біографіи, примѣчанія и приложенія къ этимъ главамъ.

Второй томъ, обнимающій періодъ жизни князя Безбородки, съ 1788 по 1799 годъ, дополненъ извѣстіями, которыя появились въ литературѣ во время печатанія этого тома, а также и неизданными весьма важными историческими документами, а именно:

1, подлинными бумагами барона О. А. Игельстрома, о Верельскомъ мирѣ, сообщенными мнѣ по распоряженію Предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, сенатора А. А. Половцова,

2, копіями съ рескриптовъ императрицы Екатерины II и писемъ графа А. А. Безбородки къ адмиралу С. К. Грейгу, о Шведской войнѣ, а также и Записками Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, доставленными и указанными мнѣ академикомъ А. Θ. Бычковымъ,

3, подлинными письмами князя А. А. Безбородки къ графу Н. П. Панину, за 1797 и 1798 годы царствованія императора Павла I, доставленными мнѣ отъ князя А. Б. Лобанова-Ростовскаго, посла нашего въ Лондонѣ, Предсѣдателемъ Общества А. А. Половцовымъ и

4, копіею стиховъ, будто-бы написанныхъ графомъ А. А. Безбородкою: «Епиграмма сочинителю исторіи Петра Великаго Ивану Ивановичу Голикову», сохранившейся въ Остафьевскомъ архивѣ князя П. П. Вяземскаго

Второй томъ о князѣ Безбородкѣ занялъ двадцать девятый томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, напечатаннаго подъ наблюдениемъ Предсѣдателя Общества, А. А. Половцова.

Къ тому этому приложены: двѣ гравюры, на стали, работанныя въ Лейпцигѣ, Августомъ Вегеромъ: 1, портрета князя Безбородки, въ парадномъ мундирѣ и 2, памятника, поставленнаго на могилѣ его въ палаткѣ Александро-Невской лавры, а также и 3, планъ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, съ малою ризницею и и палаткою, для указанія мѣста погребенія тѣла князя Безбородки, съ объясненіемъ плана

Въ заключеніе считаю для себя пріятнѣйшимъ долгомъ принести глубочайшую благодарность мою лицамъ, столь обязательно и радушно оказавшимъ свое просвѣщенное содѣйствіе многолѣтнему труду моему; фамиліи ихъ поименованы въ біографіи, примѣчаніяхъ приложеніяхъ и указателѣ.

С.-Петербургъ.
Январь 1881 года.

Николай Григоровичъ.

XI.

Война съ Турціею и Швеціею. Проектъ В. В. Капниста.
Дѣло И. В. Якобія. Отношенія къ А. М. Дмитріеву-Мамонову. Появленіе П. А. Зубова.

Въ исходѣ 1787-го года, когда война съ Турціею только что разгоралась, новая невзгода посѣтила Россію: 4-го ноября Совѣту при ея величествѣ доложено было письмо посла нашего въ Стокгольмѣ къ вице-канцлеру „о непріязненныхъ видахъ короля Шведскаго на Лифляндію“. Густавъ III мечталъ о возможности возвратить Финскіе берега и Балтійскія провинціи, отнятыя отъ Швеціи Петромъ Великимъ. Совѣтъ, „соображая сіе извѣстіе съ безпокойнымъ нравомъ и легкомысліемъ этого сосѣда нашего, признавалъ за нужное, въ осторожность, укомплектовать гарнизонные батальоны въ Ревелѣ и Аренсбургѣ“¹⁾.

О „легкомысліи“ короля Шведскаго относительно видовъ его на Россію, еще въ маѣ 1785-го года, Датскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ при С.-Петербургскомъ дворѣ Сенъ-Сафоренъ намекалъ вице-канцлеру въ разговорѣ съ нимъ. Посоль сообщилъ графу Остерману, „что, по извѣстіямъ двора его, въ Швеціи разныя военныя приготовленія продолжаются, и что положено быть лагерю въ Финляндіи, куда и самъ король намѣренъ ѣхать. Что онъ за долгъ почитаетъ подать повторительное увѣреніе, что дворъ его намѣренъ твердо держаться обязательствъ своихъ со дворомъ здѣшнимъ“. Въ 1786 году, 1-го апрѣля, посоль Великобританіи Фицгербертъ, на конференціи еще яснѣе высказался графу Остерману о видахъ короля Густава III. Онъ ему сообщилъ, „что Голландскій посланникъ въ Стокгольмѣ доносилъ объ отзывахъ короля Шведскаго, что онъ не токмо не имѣетъ причины опасаться Россіи, но

можетъ еще и заставить себя почитать, имѣя въ готовности 15 кораблей и 15,000 войска, которое въ случаѣ нужды не трудно ему и удвоить“. Для увѣренія вице-канцлера въ подлинности сего извѣстія, посланникъ объявилъ, что „объ ономъ увѣдомился онъ отъ кавалера Гарриса, который имѣлъ случай самое письмо Голландскаго въ Швеціи посланника видѣть и читать. Впрочемъ,—присовокупилъ Фицгербертъ,—что сіе извѣстіе сообщилъ онъ и Сень-Сафорену“²⁾.

На извѣстіе это Петербургскій кабинетъ едвали обратилъ должное вниманіе, бывъ занятъ, главнымъ образомъ, начавшеюся войною съ Турціей, и, какъ извѣстно, наши первые шаги въ этой войнѣ были неудачны. Предстояло употребить всѣ средства, всѣ усилія къ тому, чтобы „можно было,—какъ выразился Безбородко въ одномъ изъ своихъ писемъ,—только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами“³⁾.

Въ самомъ началѣ 1788-го года наше правительство озаботилось прежде всего объ увеличеніи дѣйствующихъ войскъ. Секретнымъ высочайшимъ указомъ на имя Военной Коллегіи, отъ 18-го января, препровожденнымъ графомъ Безбородкою адмиралу Грейгу, при особомъ письмѣ своемъ, повелѣвалось: составить „сухопутную военную силу при той части флота“, которая предназначалась къ отправленію въ Средиземное море „для дѣйствій противъ непріятеля“⁴⁾.

Между тѣмъ, слухи и сообщенія о намѣреніяхъ Шведскаго короля относительно начатія имъ войны съ Россією не переставали доходить до Русскаго правительства. Такъ, 2-го февраля Датскій посланникъ Сень-Сафоренъ извѣстилъ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, что „король старается составить союзъ противъ насъ съ дворами Прусскимъ и Лондонскимъ, и съ неосторожностію показываетъ желаніе свое воспользоваться войною, которою мы заняты. Въ Амстердамѣ производится вновь заемъ 600 тысячъ рейхсталеровъ на 10 лѣтъ по 4 процента“⁵⁾.

Но и это сообщеніе, при всей видимой его правдоподобности, прошло какъ будто незамѣченнымъ, тѣмъ болѣе, что въ это именно время высшее правительство и даже сама императрица Екатерина II чрезвычайно интересовались тѣмъ, какъ поведетъ себя дружественный Россіи Вѣнскій кабинетъ въ дѣлахъ нашихъ съ Турцією. 29-го января [9 февраля] 1788 года императоръ Іосифъ объявилъ Портѣ войну. „Такъ какъ императрица Всероссійская,—сказано было, между прочимъ, въ этомъ объявленіи,—подверглась враждебному нападенію Турокъ, то онъ, какъ вѣрный союзникъ ея, считаетъ себя вынужденнымъ помогать ей всѣми своими силами“⁶⁾.

Извѣстіе объ этомъ въ Петербургѣ было получено 10-го февраля. При чемъ императоръ писалъ: „Получа извѣстіе, что одинъ изъ вашихъ слугъ посаженъ въ Семибашенный замокъ, я, будучи также вашимъ слугою, посылаю въ походъ всѣ мои войска“. Императорскій же посолъ, графъ Кобенцель, еще въ прошломъ году завѣрялъ вице-канцлера, что государь его „пріемлетъ происшествіе сіе за casus foederis“ [случай, когда надо исполнить обязательство договора союза]⁷⁾.

Съ полученіемъ извѣстія, что Іосифъ II принимаетъ участіе въ войнѣ съ Турцією, Пруссскій посланникъ, баронъ Келлеръ, на конференціи 19-го февраля, заявилъ, что дворъ его „изъявилъ сожалѣніе, что дѣла дошли до такой крайности и присовокупилъ желаніе, чтобы сей подвигъ его величества императора послужилъ къ скорѣйшему окончанію военного пламени. За симъ, посланникъ изъявлялъ сожалѣніе, что ея императорское величество не соизволила еще, относительно до возобновленія союза, открыть своихъ мыслей, которыя его Прусское величество тѣмъ болѣе узнать желалъ, что срокъ тому союзу толь близокъ, и наконецъ объявилъ, что, по его письмамъ, Гданское мѣщанство не сдѣлало двору его никакого предложенія о принятіи его въ подданство“.

Вице-канцлеръ отвѣчалъ посланнику, „что дѣла по Гданску находятся въ одинаковомъ положеніи, и что весьма сожалѣтельно быlobъ, если мѣщанство онаго города поступило на такую крайность, для упрежденія которой и сдѣлано было двору Прусскому внушеніе объ изъясненіи чрезъ его резидента тамошнему городу своего несогласія, на принятіе онаго въ подданство“⁸⁾.

Посолъ нашъ въ Англіи, графъ Воронцовъ, въ доношеніи коллегіи, отъ 18 [29-го февраля, а въ Петербургѣ полученномъ 6-го марта] писалъ, что онъ „объявилъ маркизу Кармартену, что до него дошли слухи, будто дворъ Французскій съ Англійскимъ имѣетъ тайныя сношенія, и оба сіи двора предпринимаятъ какія-то мѣры относительно настоящей войны Россіи съ Портою, однакожь, кажется ему, министру, невѣроятнымъ, чтобы маркизь Кармартенъ, изъяснявшійся въ своемъ письмѣ къ повѣренному въ дѣлахъ г. Фразеру о Франціи, какъ о державѣ не чистосердечной, на которую Россія не можетъ полагаться, въ самое то время полагался на ту же Францію; онъ, министръ, показалъ также ему, г. Кармартену, отвѣтное письмо вице-канцлера къ помянутому Фразеру, и примѣтилъ, что ея императорское величество весьма удивилась оказываемому Англією равенству дружбы къ Россіи и къ Портѣ, что однакожь ея величество не имѣетъ никакихъ непріятельскихъ видовъ противъ Англіи, развѣ она сама къ тому подастъ поводъ. Сверхъ